

НИКИТА ХМАРСКИЙ

СЕКУНДЫ, КОТОРЫЕ ИЗМЕНИЛИ ВСЁ

Никита Хмарский

Секунды, которые изменили всё

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73076788

SelfPub; 2026

Аннотация

Никита всегда верил, что мы сами творцы своей реальности. Переезд в новый город, новые люди, новые возможности – всё казалось шансом начать жизнь с чистого листа. Но реальность оказалась сложнее, чем простая формула «хочу – значит могу».

Встреча с Лизой переворачивает его мир: она – как недостающий пазл, который помогает понять себя. И когда кажется, что всё постепенно становится на свои места, Никита обнаруживает необычную способность: он может возвращаться в прошлое, переживать моменты заново и даже менять их.

Каждое вмешательство – как трещина в стекле: едва заметная, но способная разрушить настоящее. С друзьями, старой травмой и новым чувством вины, он вынужден выбирать между исправлением прошлого и ценностью настоящего.

Это история о любви, потерях, ответственности и том, что иногда самая большая сила – умение отпустить и жить здесь и сейчас.

Содержание

Глава 1. Город, где никто не ждал	4
Глава 2. Работа №1	9
Глава 3. Лиза	17
Глава 4. Люди с кухни	22
Глава 5. Месяц, который не хочется вспоминать заранее	31
Глава 6. Первый залип	42
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Никита Хмарский

Секунды, которые изменили всё

Глава 1. Город, где никто не ждал

В новый город я приехал с ощущением, что делаю всё правильно и одновременно – зря. Это, в целом, мой обычный режим.

Квартиру я нашёл быстро. Слишком быстро, чтобы задуматься – а это всегда хороший знак.

Хозяйку звали Ирина Петровна. Женщина лет сорока пяти, с идеально уложенными волосами и маленьким ручным пылесосом в руке. Пылесос, как я понял, был не инструментом, а продолжением её личности.

Пока я разувался, она уже трижды прошла им по ковру – там, где я ещё даже не наступил.

– Вы аккуратный? – спросила она, не поднимая на меня глаз. – Стараюсь, – ответил я честно. – Этого недостаточно, – сказала она и улыбнулась. Почти.

Она показывала квартиру так, будто принимала экзамен у пространства. Заглядывала в углы, протирала уже чистые поверхности и периодически извинялась за «беспорядок»,

которого я не видел даже при желании.

Мне вдруг стало смешно. Не над ней – над собой. Я тоже всю жизнь пытался что-то подчистить. Только не пылесосом.

– Здесь я обычно не сдаю, – сказала она, останавливаясь у ванной. – Но... вы показались мне спокойным.

Я кивнул. Иногда люди видят в тебе то, чем ты хочешь казаться.

Через десять минут в квартире появился её отец. Невысокий, крепкий мужчина с вечным выражением лица «давайте уже сделаем и пойдём пить чай». В руках у него был набор инструментов, будто он всегда носил его с собой – на всякий случай.

– Зеркало надо прикрутить и комод собрать, – сказала Ирина Петровна. – Я понял ещё в машине, – вздохнул он.

Мы собирали комод втроем. Точнее, он собирал, она контролировала, а я подавал шурупы и старался не мешать.

– Главное – чтобы всё стояло ровно, – повторяла она. – Главное – чтобы держалось, – отвечал он.

Я поймал себя на мысли, что мне нравится за этим наблюдать. Два человека, которые прожили вместе полжизни, но по-разному смотрят на одно и то же. Один – про порядок. Другой – про надёжность.

Когда зеркало наконец повесили, я посмотрел на себя. На секунду показалось, что отражение задержалось дольше, чем нужно.

– Нормально, – сказал её отец. – Будет служить.

Я почему-то кивнул, будто он сказал это не про зеркало.

Ирина Петровна в последний раз прошла пылесосом по комнате, остановилась и вдруг смутилась.

– Простите... я просто не люблю, когда остаётся след. – Понимаю, – сказал я. И это была правда.

Когда они ушли, квартира стала неожиданно тихой. Я сел на кровать и подумал, что, возможно, не всё в жизни нужно оттирать до блеска.

Иногда след – это и есть доказательство, что ты здесь был.

Переезд – это всегда попытка обмануть себя, что география способна заменить психотерапию. Я не верил, что город может что-то исправить, но надеялся, что он хотя бы не будет мешать. Иногда этого достаточно.

Меня зовут Никита, мне двадцать три, и я давно решил, что всё, что со мной происходит, – моя ответственность. Это звучит красиво, пока не начинаешь в это верить по-настоящему.

Я не виню людей. Не виню обстоятельства. Не виню погоду, страну, детство и ретроградный Меркурий.

Если что-то пошло не так – значит, я где-то недожал, недодумал или просто выбрал не то. Удобная философия. Очень удобно не злиться ни на кого, кроме себя.

Я шёл по улице с рюкзаком за спиной и ловил себя на странной мысли: мне не страшно. Мне просто пусто.

Это была не та пустота, от которой хочется сбежать. Скорее та, в которую удобно сложить всё лишнее и начать заново.

во.

Вещей у меня было немного. Когда живёшь с ощущением, что задерживаться не планируешь, сложно обрести лишним. Я распаковал рюкзак, поставил кружку на подоконник и сел на пол. Диван пока смотрел на меня настороженно – мы ещё не были знакомы.

Телефон завибрировал. Мама бы позвонила, если бы могла. Эта мысль возникла сама и так же сама исчезла. Я научился не задерживаться на таких вещах. Они как лужи – если смотреть под ноги, обязательно наступишь.

Я вышел на улицу просто потому, что в квартире было слишком тихо. Город оказался обычным: люди куда-то шли, кто-то говорил по телефону, кто-то курил у входа в магазин, как будто это была важная часть его биографии.

Я подумал, что, возможно, здесь у меня всё получится. А возможно – нет. Но это уже детали.

Работу я нашёл быстро. Не потому что был хорош, а потому что вакансии были такие, что туда брали всех, у кого был пульс и базовое умение не падать лицом в клавиатуру. Мне это подходило. Я не искал дело жизни – мне нужна была пауза.

Вечером я сидел на кухне, ел что-то из коробки и думал о том, что раньше у меня были отношения длиной в три года. Мы расстались спокойно, без драмы. Просто в какой-то момент я понял, что мы давно живём рядом, но не вместе. Там было много «удобно» и мало «важно».

Я тогда подумал, что любовь – это просто переоценённый навык. Как каллиграфия. Красиво, но необязательно.

Сейчас я уже не был так уверен.

Город медленно шумел за окном. Я смотрел на отражение в тёмном стекле и видел парня, который вроде бы знает, чего хочет, но не до конца понимает – зачем. Это тоже, кстати, удобное состояние. В нём не нужно принимать окончательных решений.

В первую ночь я почти не спал. Лежал и думал, что, возможно, проблема была не в городе, не в людях и даже не в работе. Возможно, я просто слишком долго жил на автомате.

Я всегда говорил себе: ты сам творец своей реальности. Если что-то не нравится – меняй. Если больно – значит, пора расти.

Я всегда справлялся.

Я лёг, закрыл глаза и впервые за долгое время почувствовал не тревогу, а что-то вроде ожидания. Не радость, нет. Скорее любопытство. Как перед фильмом, о котором ничего не знаешь, кроме того, что он может оказаться важным.

Тогда я ещё не знал, что этот город не собирается меня менять. Он просто собирался показать, где именно я застрял.

И что иногда, чтобы двигаться дальше, нужно перестать доказывать себе, что ты всё можешь один.

Глава 2. Работа №1

Утром я проснулся от ощущения, что что-то забыл. Потом понял – ничего. Просто впервые за долгое время не было срочных дел, людей и мыслей, которые надо срочно догнать.

Я сварил кофе и сел у окна. Во дворе мужчина выгуливал собаку, которая выглядела так, будто выгуливает его. Где-то сверху кто-то ругался, но без злобы, скорее по привычке.

Город продолжал жить, не обращая на меня внимания. И это почему-то успокаивало.

Я составил список дел:

1. Найти работу
2. Купить продукты

Работа нашлась так быстро, что я даже не успел придумать себе уважительную причину сомневаться. Я отправил резюме вечером, а утром мне уже написали: «Приходите, посмотрим».

Фраза «посмотрим» всегдастораживает. Обычно после неё смотрят не на тебя, а сквозь.

Офис находился в здании, которое явно строили с мыслью: «А вдруг когда-нибудь здесь будет что-то важное». Пока что там было агентство с названием из трёх слов, каждое из которых звучало как обещание, но вместе они ничего не значили.

Меня встретила девушка с улыбкой человека, который

слишком долго работает с людьми.

– Ты Никита? – Пока да.

Она не засмеялась, но посмотрела внимательно. Я понял, что юмор здесь – валюта сомнительная.

Начальник оказался мужчиной лет сорока с лицом вечно-го старта. Он говорил быстро, уверенно и так, будто всё происходящее – часть большого плана, который он сам до конца не понимает.

– У нас тут динамика, рост, развитие, – говорил он. – Иногда сложно, но зато интересно.

Я кивал. Я всегда киваю, когда не вижу смысла спорить с абстракциями.

Моя работа заключалась в том, чтобы делать «всё понемногу». Это универсальная формулировка для «мы сами не знаем, зачем ты нам, но пока не мешаешь – оставайся».

Мне дали стол у окна. Точнее, у окна, которое выходило на ту же стену, что и в квартире. Я подумал, что это знак. Или совпадение. Я предпочёл второе – знаки требуют ответственности.

Коллеги были нормальными. Не плохими и не хорошими. Просто людьми, которые научились не задавать лишних вопросов. Я уважал это качество.

В обед мы пошли есть. Они обсуждали сериалы, ипотеку и кого-то, кого я не знал, но должен был знать по интонации. Я ел и думал о том, что это очень странно – быть частью разговора, в котором ты статист.

– А ты откуда переехал? – спросили меня. Я назвал город. – А зачем? – Решил попробовать.

Это был честный ответ, но он всех почему-то устроил.

После обеда я смотрел в монитор и ловил себя на том, что мысли уплывают. Не резко, не драматично – просто как будто кто-то тихо убавлял громкость реальности. Я моргнул и понял, что уже минуту смотрю на одно и то же слово.

Я не исчез. Не потерял сознание. Просто... задумался.

– Никит, ты норм? – спросил кто-то. – Да. Просто думаю. Это тоже была правда.

В тот момент я ещё не знал, что «просто думаю» – это не совсем то, чем кажется. Но тогда всё выглядело обычно. Люди часто задумываются. Некоторые – даже слишком.

В конце дня начальник подошёл и сказал: – В целом нормально. Втянешься.

Это было похоже на диагноз.

Я вышел из офиса с ощущением лёгкой усталости и странного спокойствия. Работа не пугала. Она просто не трогала. А это, пожалуй, хуже.

По дороге домой я зашёл в магазин. Стоял перед полкой и не мог выбрать между двумя одинаковыми пачками макарон. Это было глупо, но я реально завис.

Мир вдруг стал тише. На секунду.

Я моргнул – и всё вернулось. Люди снова зашевелились, тележка скрипнула, кто-то кашлянул за спиной.

Я взял первую попавшуюся пачку и ушёл, списав всё на

усталость.

В какой-то момент я понял, что если не перестану всё контролировать, то просто лопну. А лопаться в одиночку – занятие сомнительное.

Я включил музыку. Сначала тихо. Потом – «ещё один трек и хватит». Треков стало больше.

Я открыл окно, сел на подоконник и ел макароны прямо из кастрюли. Почему-то казалось, что именно так и выглядит нормальная взрослая жизнь.

Потом я начал танцевать. Не красиво. Не ритмично. Зато честно.

Я говорил сам с собой, спорил, смеялся, делал вид, что беру интервью у зеркала. Зеркало молчало, но явно было не против.

В какой-то момент я решил, что миру срочно нужен мой голос. Миру, судя по всему, было всё равно.

Я пел. Громко. Мимо нот. С чувством.

Именно в этот момент в дверь постучали.

Не робко. Семейно.

Я открыл дверь и увидел мужчину, женщину и мальчика лет восьми. Мальчик смотрел на меня с интересом. Мужчина – с усталостью. Женщина – с напряжением.

– Извините, – сказала она. – У нас ребёнок. Он не может уснуть.

Я сразу всё понял. И сразу захотел исчезнуть.

– Да, конечно, – сказал я. – Простите, я... увлёкся.

Я выключил музыку, и тишина накрыла квартиру слишком резко. Как после аплодисментов, которые внезапно закончились.

– Спасибо, – сказал мужчина. – Просто... стены тонкие. Я кивнул. Конечно, стены. Не я.

Когда дверь закрылась, я сел на пол. Прямо там, где стоял. Мне было неловко. Но не стыдно.

Скорее странно – я вдруг увидел себя со стороны. Не философа, не ищущего, не потерянного. Просто человека, который иногда шумит, ошибается и забывает, что он не один.

Я улыбнулся. Потом вздохнул.

Я умею быть разным, подумал я. Просто пока не очень понимаю – каким именно хочу быть.

Я вышел во двор и сел на лавочку. Ночь была тёплая, из тех, что не задают вопросов.

Я закурил. Делал это редко, но в такие моменты сигарета казалась чем-то вроде кнопки «пауза». Дым уходил вверх, растворяясь быстрее, чем мысли.

Во дворе было тихо. Где-то хлопнула дверь, заскрипели качели, потом снова тишина. Такая, в которой прошлое легко догоняет настоящее.

Я вспомнил, как в детстве мы с папой сидели почти так же. Он курил, а я считал, сколько раз он затянется, прежде чем встанет. Мама тогда ругалась из окна, но без злости. Скорее по привычке заботиться.

Она всегда так делала – заботилась заранее.

Папа тогда смеялся. Настояще. А сейчас он бы, наверное, даже не вышел во двор.

Последний раз, когда мы виделись, он почти не смотрел мне в глаза. Руки дрожали, слова путались. Он говорил, что «всё под контролем», и я кивал, как когда-то кивал соседу с музыкой.

Люди часто говорят одно и то же, когда контроль уже давно потерян.

Я сделал ещё одну затяжку и вдруг понял, что помню мамин голос лучше, чем её лицо. Интонации остались, а черты – расплылись. От этого стало страшно.

Я поймал себя на мысли, что если бы она была жива, она бы не одобрила сигарету. Но, возможно, просто села бы рядом и сказала: – Ты хоть не на холоде?

Я улыбнулся. И сразу перестал.

Где-то внутри шевельнулось знакомое чувство вины. Тихое, как этот двор. Я не стал копаться в нём глубже – не сейчас.

Я затушил сигарету, поднялся и посмотрел на окна. В одном из них горел свет. Чья-то жизнь продолжалась.

Моя тоже. Даже если я пока не совсем понимаю – как именно.

Я лёг спать с мыслью, что это просто этап. Все этапы заканчиваются. Главное – не застрять.

Тогда я ещё не знал, что застревать можно не только в городах и работах. Иногда ты застреваешь между моментами.

Никита

Первый рабочий день

Глава 3. Лиза

С Лизой я познакомился случайно. Как и со всеми важными людьми в моей жизни.

Это был маленький бар на углу улицы, куда я зашёл не потому, что хотел выпить, а потому что шёл дождь и мне нужно было переждать. Бар выглядел так, будто его открывали для своих, а потом забыли рассказать об этом остальным.

Я сел за стойку, заказал что-то простое и уставился в стену. Это был один из тех вечеров, когда ты не грустишь, но и не радуешься. Просто существуешь, как вкладка, которую не закрыли.

– Ты всегда так смотришь, или сегодня особенный день?

Я повернулся. Она сидела рядом. Я был уверен, что минуто назад её там не было, но спорить с реальностью – дело неблагодарное.

– Как? – Как будто слушаешь музыку, которую никто больше не слышит.

Я пожал плечами.

– Наверное, всегда.

Она кивнула, будто получила подтверждение какой-то своей догадки.

Лиза не пыталась понравиться. В этом и была проблема. Обычно я быстро понимал, кто передо мной и чего от меня хотят. С ней ничего не было понятно, и это почему-то не

раздражало.

– Ты недавно здесь? – спросила она. – Да. – Это чувствуется.

– Это хорошо или плохо? – Это честно.

Мы говорили ни о чём. О дожде. О том, что в этом городе странные остановки. О музыке, которая иногда портит хорошие места. Она смеялась легко, без необходимости. Я поймал себя на том, что перестал проверять телефон.

Это был тревожный знак.

Я посмотрел на неё внимательнее.

Она была из тех людей, которых невозможно описать одним словом, потому что они всё время немного меняются. Карие глаза – тёплые, живые, будто в них кто-то постоянно шевелит занавески. Нос – смешной, аккуратный, чуть вздёрнутый, и мне почему-то сразу захотелось назвать его клювиком. Это сравнение пришло само, и я не стал с ним спорить.

Вообще, в ней было что-то птичье. Не хрупкость – нет. Скорее ощущение, что она в любой момент может сорваться с места и улететь, если станет неинтересно.

Волосы – средней длины, не уложенные нарочно, а так, как будто она просто решила, что им и так нормально. Телосложение – идеальное не по меркам журналов, а по ощущениям. Не худышка, не «фигура», а тот самый момент, когда человек находится в своём теле и ему в нём хорошо. В самом соку – я бы потом именно так про себя это сформулировал.

Она была одета со вкусом, но без стараний. Широкие шта-

ны, которые сидят так, будто были сшиты именно для неё. Очки – красивые, не для образа, а потому что ей так удобно смотреть на мир. Пирсинг в носу – маленькая деталь, которая почему-то сразу добавляла характера. А на голове – ушанка. Стильная, с изюминкой. Та самая, которую либо ненавидят, либо запоминают навсегда.

Я вдруг понял, что рассматриваю её слишком долго.

Но она не смущалась. Скорее наоборот – как будто позволяла.

И в этот момент я подумал, что с такими людьми не хочется казаться лучше. С ними хочется быть настоящим. Даже если это значит молчать, зависать и иногда теряться в собственных мыслях.

– Ты так внимательно слушаешь, – сказал я. – А ты говоришь так, будто боишься, что тебя перебыют.

Я усмехнулся.

– Я просто привык, что мои мысли – это мой личный проект. – А ты никогда не думал, что ими можно делиться?

Этот вопрос был задан слишком спокойно, чтобы быть случайным.

Я не ответил сразу. Не потому что не знал что сказать, а потому что не был уверен, что хочу отвечать честно.

– Меня зовут Лиза, – сказала она. – Никита.

Она повторила моё имя тихо, как будто проверяла, подходит ли оно мне. И, что странно, это было приятно.

Мы вышли вместе. Дождь закончился так же внезапно,

как и начался. Город выглядел чуть чище, чем обычно, как после сна.

– Ты куда? – спросила она. Я назвал улицу. – Я тоже в ту сторону.

Мы шли молча. И это было не неловко. Молчание не требовало объяснений. Оно просто было.

– Знаешь, – сказала она вдруг, – ты иногда будто исчезаешь. – Мы знакомы час. – Мне хватает.

Я остановился.

– Я никуда не исчезаю. – Я знаю, – сказала она. – Ты просто очень глубоко внутри себя.

И в этот момент мне впервые за долгое время захотелось выйти наружу.

Мы попрощались у её дома. Без обещаний. Без фраз «созвонимся». Просто посмотрели друг на друга чуть дольше, чем нужно.

– Было приятно, – сказала она. – Да.

Я пошёл домой и поймал себя на том, что улыбаюсь. Не широко. Не заметно. Где-то внутри.

Это было опасно.

Потому что я знал: когда тебе становится не всё равно – ты становишься уязвимым.

А я слишком долго жил так, будто уязвимость – это ошибка в системе.

Той ночью я долго не мог уснуть. Не из-за мыслей. Из-за ощущения, что кто-то аккуратно коснулся того места, кото-

рое я давно считал закрытым.

И, что самое странное, мне не хотелось это исправлять.

Глава 4. Люди с кухни

С компанией Лизы я познакомился через несколько дней. Она сказала об этом как о чём-то само собой разумеющемся, будто я уже давно был частью её жизни, просто по какой-то бюрократической ошибке ещё не числился.

– Пойдём к Насте, – сказала она. – Там будут все.

«Все» звучало подозрительно. Обычно за этим словом прячется либо хаос, либо необходимость быть кем-то другим. Я не был уверен, что готов к любому из вариантов.

Квартира у Насти была из тех, где сразу понятно: здесь живут люди, а не квадратные метры. На кухне пахло едой, чем-то сладким и спокойствием. Настя встретила нас так, будто мы опоздали на семейный ужин, а не пришли впервые.

– Ты Никита, да? – спросила она и сразу улыбнулась. – Пока да, – ответил я по привычке. Она рассмеялась. По-настоящему. Мне стало чуть легче.

Настя чуть выше Лизы, стройная и хрупкая, с мягкой грацией, которая сразу бросается в глаза. На ней было тёмное худи, которое, казалось, специально выбрано, чтобы подчеркнуть естественность и простоту её образа. Волосы брюнетки были распущены и слегка небрежны, но это только усиливало ощущение живости и естественности.

Внешне Настя чем-то напоминала Лизу – но в ней была особая дистанция, лёгкая отстранённость, которая делает её

одновременно загадочной и открытой для тех, кто её внимательно наблюдает. Лицо – мягкое, аккуратное, с глазами, в которых прячется забота и внимание к миру. И каким-то образом её черты ассоциировались с сурикатом: внимательные, быстрые движения головы, как будто она всегда наблюдает за деталями, но не вторгается в них.

Её присутствие создаёт ощущение тепла, как чашка горячего чая в холодный зимний день – мягко согревает, успокаивает, но не требует ничего взамен. Она одновременно красивая и милая, с невидимой, но ощутимой энергетикой заботы и мягкой уверенности в себе.

Ей было важно, чтобы всем было хорошо – и это не выглядело ни контролем, ни обязанностью. Скорее естественным состоянием.

– Проходи, почувствуй себя как дома, – сказала она. Я не был уверен, что помню, как это делается, но кивнул.

Дима оказался полной противоположностью Насти. Спокойный, собранный, с логикой, которая, казалось, работала даже тогда, когда он молчал. Он пожал мне руку крепко и коротко, как будто поставил галочку.

– Лиза много о тебе рассказывала, – сказал он. Я посмотрел на Лизу. Она улыбнулась, но ничего не уточнила. Это было тревожно и приятно одновременно.

Квартира была однокомнатной, но казалась больше благодаря светлым стенам и продуманной организации пространства. Отдельная кухня была аккуратно обустроена: всё име-

ло своё место, каждая чашка, каждая ложка – словно подчинялась невидимому порядку. На столе стояли баночки с приправами, идеально выровненные по размеру и форме, и каждая имела свою этикетку, аккуратно подписанную.

Сразу бросалось в глаза, что здесь порядок важнее всего. Но это не создаёт ощущения холодности – скорее удивительное сочетание точности и уюта. На полках, на шкафчиках и даже на подоконнике были аккуратно расставлены конструкторы Лего: огромные наборы, сложенные по цветам и размерам, а маленькие детальки лежали в прозрачных коробочках, рассортированные так, что можно было найти нужный элемент за секунду.

Это была явная заслуга Димы. Он любил, чтобы всё лежало на своём месте и чтобы каждая вещь имела причину находиться именно здесь. Настя же как будто гармонично вписалась в эту систему: её мягкость и тепло смягчали строгий порядок, придавая квартире ощущение жизни, а не музея.

Лоджия выглядела особенно уютно: там стоял небольшой столик с двумя стульями, несколько растений и мягкий плед. С неё открывался вид на тихий двор – место, где можно было сесть с чашкой чая, почитать книгу или просто наблюдать за жизнью города.

В квартире чувствовалась организованная забота: порядок не навязывал правила, он создавал пространство, в котором можно было быть спокойно, наблюдать, жить и одновременно чувствовать, что здесь всё продумано и защищено.

Гоша сидел на подоконнике,пил чай и смотрел куда-то мимо нас. Когда я вошёл, он повернул голову и кивнул так, будто мы уже были знакомы.

– Ты вовремя, – сказал он. – Куда? – В этот вечер.

Я решил, что мне нравится этот человек.

Гоша – лучший друг Насти с детства, человек с огромным прошлым, полным историй, шуток, приключений и мелких проделок, которые навсегда остались в памяти. Он часто упоминает их, будто рассказывает легенду о собственной жизни, и каждый раз эти истории кажутся одновременно смешными и важными.

Внешне он был настоящим неформалом, но стильным. Очень короткая стрижка подчёркивала черты лица, глаза внимательные и острые, как будто он постоянно считывает всё вокруг, но делает это тихо, без навязчивости. В ухе – серебряная серьга, минималистичная, но заметная; такая же простая, как и его манера держаться. Он легко носил простую одежду, но всё в ней было гармонично – будто даже случайные складки и потертости были частью образа.

Ему 27 лет, но он не старше себя, скорее старше по опыту. С Настей их связывает тесная, почти молчаливая дружба: они знают друг друга с детства и могут понимать без слов. Иногда достаточно одного взгляда Гоши, чтобы Настя поняла, что он думает, и наоборот.

Его поведение слегка интровертное, но при этом он умеет быть душой компании – достаточно включить его в разгово-

вор, и он выдаёт столько наблюдений и шуток, что остальные остаются в лёгком восторге. Он глубоко мыслит, часто замечает то, что упускают другие, и именно поэтому становится для Никиты своего рода проводником: с ним можно обсуждать свои внутренние ощущения, и он поймёт, даже если не скажет ни слова.

Гоша – человек, который помогает распутывать внутренние клубки других, но сам почти никогда не раскрывается полностью. В нём есть лёгкая таинственность: он знает, как слушать, как направлять разговор, но сам редко говорит о себе всерьёз.

Аня появилась позже всех. Она влетела на кухню с ощущением, что пространство должно под неё подстроиться. Сильная, прямая, с взглядом человека, который не собирается терпеть чужую ерунду.

– Это он? – спросила она у Лизы. – Да. Аня посмотрела на меня оценивающе. – Ну... живой.

Это был комплимент. Я почувствовал.

Аня – девушка Гоши, человек с сильным характером и яркой индивидуальностью. Светлые кудрявые волосы обрамляют её лицо мягкой, живой рамкой, создавая ощущение движения даже тогда, когда она стоит неподвижно. Она худенькая, но выглядит энергичной и уверенной в себе, словно каждая её поза и жест продуманы интуитивно, без лишнего усилия.

Её стиль одежды отличается от Гошиного: она нефор-

мальна, но элегантна, с изюминкой, которая сразу привлекает взгляд. Стил ь у Ани смелый, но не кричащий; он подчёркивает её индивидуальность и при этом гармонично смотрится рядом с Гошей. Вместе они выглядят как пара, где контраст превращается в баланс: его спокойная сдержанность и минимализм подчеркивают её яркость и живость.

Аня смелая, прямолинейная, умеет говорить правду так, что это одновременно шокирует и восхищает. Она энергична, иногда импульсивна, и именно эта черта делает её сильным эмоциональным якорем для всей компании. Несмотря на это, в её поведении всегда есть гармония: она не нарушает чужие границы, но легко заставляет всех вокруг ощутить её присутствие.

Внутренне Аня – человек действия. Она не ждет, пока события сами произойдут.

Мы сидели на кухне долго. Ели, спорили, смеялись. Я больше слушал. Мне нравилось, что никто не тянул из меня историю, не пытался разобрать меня на детали.

Настя заботливо подкладывала всем еду, Дима иногда вставлял точные замечания, которые неожиданно ставили всё на свои места. Аня говорила прямо, иногда резко, но всегда честно. Гоша молчал больше всех, но когда говорил – попадал.

– Ты будто всё время смотришь внутрь, – сказал он мне в какой-то момент. – А ты будто знаешь, что там, – ответил я. Он улыбнулся. – Не знаю. Но чувствую.

Это было странно. И почему-то не страшно.

Лиза сидела рядом и иногда смотрела на меня так, будто проверяла: я здесь или снова ушёл куда-то глубже. Я ловил эти взгляды и возвращался.

На столе стояли несколько банок пива, пластиковые стаканы и мисочка с чипсами. Легкий запах пиццы, которая осталась после ужина, смешивался с ароматом кофе, забытого на подоконнике.

– Ну что, – сказала Аня, – кто первый? – Давай по кругу, – предложила Настя. – Правда или действие.

Я посмотрел на всех. Настя сидела спокойно, почти сдержанно, но улыбка на её лице говорила о том, что она готова участвовать. Дима кивнул, аккуратно открутил банку с пивом, как будто рассчитывал, что этот жест будет идеален и лишнего не останется.

– Лиза? – сказал Гоша, слегка склонившись вперёд, – ты правда или действие? – Правда, – ответила Лиза, и я заметил, как её взгляд будто проверял, насколько я готов наблюдать.

– Лиза, – продолжил Гоша, – какой момент в жизни тебя заставил почувствовать себя по-настоящему смелой?

Лиза улыбнулась: – Это банально, но... когда я впервые прыгнула с обрыва. Ни один человек не стоял рядом, только я и ветер.

– Круто, – сказал я, чувствуя, что её смелость каким-то образом влияет на меня.

Аня, сидевшая с другой стороны, выбрала действие. –

Действие, – сказала она решительно. – Никита, твоя очередь.

– Что делать? – спросил я, немного смущаясь.

– Спой маленькую песенку про ближайшее событие, которое запомнишь, – предложила Аня с хитрой улыбкой.

Я закатал глаза, но в итоге спел короткий куплет, чуть фальшиво, но с чувством. Настя тихо рассмеялась, Дима слегка улыбнулся, Гоша кивнул одобрительно, Аня хлопнула в ладоши, а Лиза просто засмеялась, глядя на меня.

– Живой, – сказала Аня, оценивая. – Я уже говорила.

– Ты же тоже, – ответил я с улыбкой.

Мы продолжали. Каждый ход открывал что-то новое:

Настя рассказала, какой самый странный подарок она когда-либо получала.

Дима выбрал «правду» и признался, что иногда просыпается среди ночи, чтобы проверить, всё ли на своих местах.

Гоша выполнил действие – симпровизировал мини-историю про их детские приключения с Настей.

Аня заставила Лизу станцевать прямо на полу кухни.

Я снова оказался вовлечён, смущаясь, но радостно смеясь вместе со всеми.

Смех, лёгкая неловкость, шутки – всё это делало атмосферу невероятно живой. Я впервые понял, что компания может быть родной не по крови, а по вниманию, по смеху, по маленьким моментам, когда тебе не нужно прятаться.

Когда игра закончилась, Настя накрыла руки на стол, как будто аккуратно закрывала книгу, но её взгляд говорил: «Это

только начало».

– Приходите ещё, – сказала она тихо. – Здесь вас всегда ждут.

Я посмотрел на Лизу. Её взгляд был мягким, но с искрой, которая говорила: «Ты теперь часть этого».

По дороге домой Лиза молчала. Потом сказала:

– Они тебя приняли. – Я тоже это почувствовал. – Это редко.

Я не стал уточнять, что именно. Иногда достаточно просто согласиться.

В ту ночь я долго лежал и думал о том, что впервые за долгое время оказался в пространстве, где мне не нужно было притворяться. Где можно было быть немного уставшим, немного потерянным и всё равно быть окей.

Это было опасно.

Потому что к таким местам привыкают. А я всегда считал, что лучше не привыкать ни к чему, что можно потерять.

Но, засыпая, я поймал себя на мысли, что, возможно, некоторые потери – это не повод ничего не начинать.

Глава 5. Месяц, который не хочется вспоминать заранее

Мы съехались как-то незаметно. Без разговоров «давай попробуем» и списков правил на холодильнике. Просто в какой-то момент мои вещи стали появляться у Лизы чаще, чем у меня, а потом я поймал себя на мысли, что возвращаюсь к ней, а не к себе.

Это было новое ощущение. Немного пугающее.

Первое утро вместе началось с того, что я проснулся раньше неё и какое-то время просто лежал, слушая, как она дышит. Не потому что это было романтично, а потому что мне нужно было убедиться, что всё это реально. Я всегда так делаю с хорошими вещами – проверяю, не сон ли.

Лиза открыла глаза и сказала:

– Ты сейчас думаешь слишком громко.

– Прости. – Не извиняйся. Просто будь.

Это оказалось сложнее, чем я ожидал.

Месяц прошёл странно быстро. Мы не делали ничего выдающегося. Не было путешествий, громких свиданий или разговоров до рассвета о смысле жизни. Были завтраки, которые мы иногда забывали съесть. Прогулки без цели. Списки покупок, в которых половина пунктов была зачёркнута, потому что «и так сойдёт».

И было много тишины.

Но это была не та тишина, в которой прячутся. Это была тишина, в которой можно не напрягаться.

Иногда я ловил себя на том, что начинаю планировать. Не осознанно – телом. Покупаю что-то «нам», а не «мне». Думаю, как будет удобнее ей. И каждый раз внутри что-то щёлкало: осторожно.

– Ты опять ушёл, – говорила Лиза. – Я здесь. – Ты рядом. Это разные вещи.

Она никогда не говорила это с упрёком. Просто фиксировала факт. Как погоду.

Мы часто бывали у Насти. Там было ощущение, что мир собран правильно. Дима чинил что-то или объяснял, почему это чинить не надо. Аня спорила со всем, что двигалось. Гоша слушал.

Однажды, когда Лиза ушла помочь Насте на кухне, Гоша посмотрел на меня и сказал:

– Ты ведёшь себя так, будто это временно. – Что именно? – Всё.

Я хотел отшутиться, но почему-то не стал.

– Я просто не люблю загадывать. – Это не про загадывать, – сказал он. – Это про оставаться.

Эта фраза застряла во мне.

Дни пролетали незаметно.

Утро началось тихо. Я проснулся первым, как обычно, и некоторое время лежал, слушая, как Лиза ворочается в кро-

вати, тихо вздыхает и пытается ещё пару минут поспать. Её дыхание ровное, мягкое, как будто сама ткань мира на мгновение замедлилась, чтобы дать ей время.

Когда она села, растянувшись на кровати, я заметил, как волосы светло-каштановой волной падают ей на плечи. Она надела худи и засунула ноги в уютные носки, которые всегда слегка сползали, когда она шла по комнате.

– Кофе? – спросил я. – Пожалуйста, – ответила она, слегка улыбаясь.

Я пошёл на кухню и включил кофеварку. Пока вода нагревалась, посмотрел на вещи вокруг: её чашки стояли на полке в ряд, как будто каждая ждала своего часа. Миска с остатками фруктов от вчерашнего вечера слегка смялась, но Лиза никогда не придиралась к таким мелочам. Я понял, что это тоже часть её – позволять вещам быть такими, какие они есть.

Мы завтракали молча, но это молчание было живым. Иногда я ловил себя на том, что наблюдаю, как она двигается, как перемешивает кофе, как скручивает волосы в хвост. Её маленькие привычки – такие простые, но точные – казались мне удивительно важными.

После завтрака мы вышли на улицу. Прогулка не имела цели: просто идти, смотреть на мир. Лиза смеялась над моими неловкими комментариями про прохожих, а я – над её тихими наблюдениями. Она подбирала шапку, когда ветер срывал её с головы, поправляла шарф, и каждый раз я заме-

чал, как эти движения делали её живой, настоящей.

Вернувшись домой, мы занялись мелкими делами: стирали бельё, собирали покупки, которые неожиданно пришли с почты, убирали кухню. Я заметил, что часто делаю вещи «для нас», а не «для себя», и это щёлкало во мне новым ощущением – заботой без усилия, естественно.

Днём Лиза открыла ноутбук и начала работать над своими заметками. Я устроился рядом с книгой, но взгляд часто невольно цеплялся за её движения. Она писала спокойно, погружённо, не замечая меня, а я одновременно ощущал и её, и себя.

– Ты опять задумался, – сказала она через час, не отрываясь от экрана. – Да, – признался я. – Иногда просто наблюдаю. – Хорошо. Но возвращайся, – сказала она с мягкой улыбкой.

После работы мы устроили небольшой перекус. Она приготовила салат, я налил пиво, и мы сели на лоджию, наблюдая за тихим двором. Лиза рассказывала истории из детства, я шутил про свои неудачные эксперименты на кухне. Мы смеялись тихо, чтобы не нарушить мир, который создавали сами.

Вечером решили посмотреть фильм. Лиза устроилась на диване с пледом, я рядом. Иногда её рука касалась моей, иногда мы молчали. Я замечал, как она реагирует на сцены, как слегка наклоняет голову, улыбается, когда герой попадает в неловкое положение. И в эти моменты я понимал: сча-

стве состоит из маленьких деталей, которые почти незаметны.

Перед сном мы снова молчали. Лиза лежала рядом, читала книгу, я смотрел на потолок. Иногда она поднимала глаза на меня, иногда просто поворачивалась к стене. И я снова ловил себя на мысли, что это не тревожно, не пугающе – это просто настоящее.

Когда я выключил свет, я почувствовал лёгкую тяжесть в груди. Не от страха, а от того, что день закончился, и всё это было реально. Я закрыл глаза и решил: завтра будет новый день, но этот останется со мной надолго.

В конце второй недели я впервые почувствовал страх. Не явный, не резкий. Такой, который проявляется мелочами. Я стал ловить себя на мысли, что если это закончится, то будет больно. А значит – это нужно контролировать. Или хотя бы подготовиться.

Я всегда так делал.

Я проснулся раньше обычного, как будто комната сама напомнила о пустоте. Кровать была теплая, но пуста. Первый глоток воздуха казался холоднее, чем вчера, а привычный шум города за окнами вдруг напоминал о том, что я один.

На кухне я сделал себе кофе, но не успел полностью открыть глаза, когда понял – кто-то должен был стоять рядом, смеяться над моими неловкими движениями или поправлять шумную кофеварку. Никто не был. Только я, чайник и мой легкий раздражённый взгляд на сам себя.

Я попытался заняться работой, но мысли упорно возвращались к маленьким деталям: к смеху Лизы, к тому, как она наклоняет голову, когда думает, и как её волосы падают на плечи. Я ловил себя на том, что подсознательно ищу её в комнате, в шкафах, в воздухе.

День тянулся медленно. Я прогуливался по дому, проверял вещи, раскладывал книги и инструменты, будто это могло заполнить пустоту. На полках я случайно заметил фотографию мамы, которую давно забросил. Воспоминание вспыхнуло ярко: её улыбка, запах дыни, летний ветер того дня... и снова я почувствовал привычное напряжение внутри.

– Почему я снова думаю об этом? – пробормотал я вслух, словно кто-то мог услышать.

На лоджии я сел, закурил сигарету и наблюдал за тихим двором. Все эти маленькие привычки – кофе, книги, сигарета, прогулка – раньше были просто рутиной. Теперь они казались странно пустыми. Мне не хватало смеха, разговоров, её взглядов.

Я заметил, что впервые за долгое время чувствую себя не просто одиноким, а потерянным в пространстве, где нет её присутствия. И именно в этой пустоте пришла мысль: может, всё это – просто привычка быть рядом с кем-то, а не жизнь сама по себе?

Вечером я лег, но сон не приходил. В голове мелькали обрывки воспоминаний: детство, мама, потерянные моменты с

отцом, первые встречи с друзьями Лизы, маленькие радости месяца с ней. И среди них – странная мысль: а что если можно что-то исправить?

Я закрыл глаза и пытался заглушить её, но чувство осталось. Оно тихо шептало, что прошлое и настоящее связаны тонкой, почти незримой нитью, и что рано или поздно я смогу её увидеть.

Вдруг мое внимание уловил странный запах – сладковатый, летний, знакомый до боли. Он перенёс меня на секунду в детство.

Мама стояла на кухне, улыбаясь, и нарезала дыню. Она всегда умела делать обычные вещи волшебными. Маленький нож, скользящий по желтой мякоти, звук капель, падающих в миску, её тихий смех – всё это было таким знакомым, что я невольно закрыл глаза, чтобы не раствориться полностью в воспоминании.

Я вспомнил тот день, когда всё изменилось. Моя капризная просьба о дыне, поездка мамы в магазин, авария... Воспоминание мелькнуло ярко, как вспышка, и я почувствовал привычное чувство вины – будто я всё ещё могу исправить то, что случилось тогда.

Но что если это невозможно? – подумал я. Внутри меня возникло странное ощущение, словно время стало не совсем прямой линией. Я видел себя там, маленького, и одновременно здесь, взрослого, наблюдающего за собой. В голове мелькнула мысль: а что если есть способ вернуться? Не фи-

зически, а в память... и что-то изменить?

В одну из ночей я проснулся от того, что Лиза не спала и смотрела в потолок.

– Всё нормально? – спросил я. – Да. Пауза. – Ты боишься меня потерять? – С чего ты взяла? – Ты стал осторожнее.

Я не ответил. Потому что не знал, как объяснить, что осторожность – это мой способ выживания.

– Я не уйду просто так, – сказала она. – Но если ты всё время будешь держать дверь приоткрытой, я могу устать стучать.

Это было сказано спокойно. И от этого – больнее.

Где-то в середине месяца начали происходить странные вещи. Очень мелкие. Я мог на секунду выпасть из разговора, а потом возвращался с ощущением, что был где-то ещё. Не далеко. Просто... не здесь.

– Ты опять задумался, – говорила Лиза. – Я всегда так делаю. – Раньше – да. Сейчас – иначе.

Я списывал это на усталость. На работу. На новую жизнь. На всё, что угодно, кроме очевидного. Потому что очевидное требовало бы признать: я не всё контролирую.

А я слишком долго жил с мыслью, что если достаточно постараться, можно удержать любую реальность.

В конце месяца мы сидели на кухне, пили чай и молчали. Хорошо молчали. Лиза вдруг сказала:

– Знаешь, я люблю этот месяц. – Почему? – Потому что он настоящий. И я не хочу вспоминать его заранее.

Я улыбнулся, но внутри что-то сжалось.

Потому что я уже начал.

И где-то очень глубоко во мне появилась мысль, которую я тут же попытался заглушить: если что-то так хорошо, значит, за это придётся заплатить.

Тогда я ещё не знал – чем именно.

Лиза

Прогулка в парке

Глава 6. Первый залив

Это случилось в самый неподходящий момент – то есть в обычный.

Я стоял на кухне у Лизы. Казалось, обычный вечер: чай, лёгкий шум улицы, тепло комнаты. Но что-то в воздухе дрогнуло, и вдруг запах алкоголя и сигарет заставил меня моргнуть.

И я оказался там. В гостиной дома подросткового возраста, в темной, тускло освещённой комнате. Отец сидел на диване с бутылкой в руках. Его взгляд был резким, непредсказуемым. Сердце сжималось.

– Где ты был?! – кричал он, голос режущий, как холодный нож.

Я стоял, маленький Никита, пытаюсь казаться взрослым. А отец, шатаясь, поднимал руку. И я видел это: резкий взмах, боль, паника, крик. Я снова почувствовал удар по плечу, резкую боль, страх, который пробирал до костей.

Сквозь этот ужас я увидел, как отец в тот же момент ловил себя на мысли о том, что сделал не так. Его глаза мгновенно наполнились ужасом и раскаянием. Он опустил руку, обессиленно сжал бутылку, а слёзы смешались с алкоголем.

И вот он, этот момент – ключевой. Я видел, как он винил себя за всё: за мою боль, за пустую бутылку на столе, за то, что не смог контролировать себя. Я почувствовал внутри,

что его вина и разочарование стали одним из толчков, которые в будущем сделали его ещё более уязвимым и погрузили в ещё большую зависимость.

Я моргнул. Я вернулся на кухню у Лизы. Чай остыл. Она посмотрела на меня:

– Ты опять задумался.

Я кивнул. Не в силах объяснить, что только что видел. Но внутри всё бурлило: желание исправить, изменить, сказать что-то.

Прошло несколько дней. И ночью, лежа на диване, я не выдержал. Сердце снова тянуло туда, в ту гостиную. Я закрыл глаза и шагнул.

Я оказался там же, в тот же момент, но теперь не просто наблюдателем.

Отец поднял руку. Я почувствовал удар, но вместо того, чтобы отшатнуться, встал прямо, глаза встретили его.

– Стоп! – сказал я твёрдо, голос неожиданно спокойный и решительный для четырнадцатилетнего.

Он замер. Я сделал шаг вперёд. – Папа... я знаю, тебе тяжело. Я знаю, ты устал, но не нужно делать мне больно. Я люблю тебя. Я хочу, чтобы ты был сильным.

Он замер, губы дрожали. В комнате стояла тишина, густая и странная, будто весь воздух замер. И что-то изменилось. Его плечи расслабились. Он опустил руку. В глаза ему вернулся не только страх, но и понимание.

– Никита... – прошептал он, почти для себя. – Я... прости.

Я кивнул. — Я верю в тебя, — сказал я.

И тогда я почувствовал странное тепло, как будто мир в комнате стал чуть мягче. Маленький Никита был рядом со мной, но теперь он уже не одинок. Я видел, как отец впервые за долгое время делает глубокий вдох, пытается собрать себя.

Я моргнул. И оказался снова в кровати.

Внутри меня щёлкнуло: способность возвращаться — это не только испытание и страх, это возможность давать шанс себе и другим, если хватит смелости.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.